

Georgij Krasnow

Запад - Восток в художественном сознании А. С. Пушкина

Acta Polono-Ruthenica 3, 11-19

1998

Artykuł został zdigitalizowany i opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

Referat plenarny

Georgij Krasnow
Kołomna

Запад - Восток в художественном сознании А. С. Пушкина

Запад - Восток (Европа - Азия) для Пушкина - опорные онтологические точки отсчета. В 1825 г., вспоминая о своей поездке с Кавказа в Крым, поэт в письме А. Дельвигу замечает: „Из Азии переехали мы в Европу...”. В примечании к письму он же поясняет: „Из Тамани в Керчь”. В 1827 г., не разделяя плана М. Погодина в издании альманаха *Уrania*, Пушкин заявляет: „Но подумайте: на что это будет похоже? Вы, издатель европейского журнала в азиатской Москве...” (XIII, 340).¹

До спора с Н. Полевым по поводу второго тома его *Истории русского народа* (1830) до диалогов с П. Чаадаевым относительно исторических путей Запада и России пушкинские „географические” акценты были не случайны. Они выражали и поэтический мир Пушкина, и его национальные пристрастия.

Этот поэтический комплекс, пожалуй, впервые был высказан Пушкиным в послании-элегии *К Овидию* (1821). После вступления („Овидий, я живу близ тихих берегов...”) сразу же рисуется картина чуждого для героя послания края:

¹ Цитируется по изданию: Пушкин, *Полное собрание сочинений*, Москва - Ленинград 1937 - 1949, т. 13, с. 250. В дальнейшем - в тексте, с указанием тома и страницы. Ср. в письме Пушкина брату Льву от 24 сентября 1820 г.: „С полуострова Таманя, древнего Тмутараканского княжества, открылись мне берега Крыма. Морем мы приехали в Керчь” (XIII, 18).

Там нивы без теней, холмы без винограда;
 Рожденные в снегах для ужасов войны,
 Там хладной Скифии свирепые сыны,
 За Истром утаясь, добычи ожидают.
 И селам каждый миг набегом угрожают.

Древняя, дикая Скифия и идиллическая, похожая на итальянский край, Таврида: „Изгнание твое пленяло втайне очи, / Привыкшие к снегам угрюмой полуночи, / Здесь долго светится небесная лазурь...”. Б. Томашевский справедливо заметил: „Рядом с восприятием Овидия Пушкин дает тот же пейзаж в своем контрастном восприятии. Та же природа, которая только что описана в северных тонах, вновь воскресает с противоположной характеристикой, как южная”.²

Географический „обмен” переключается с диалогом „*Переселенец новый*” - Овидий. Обращения к адресату послания, исповедь нового изгнанника, риторические вопросы в первой части, заключительная часть („Утешься, не увял Овидиев венец!”) возбуждаются поэзией Овидия, стихами о других „берегах”. Не случайно обращение *Утешься* будет повторено в стихотворении *Герой* (1830) в завершение диалога Друга с Поэтом.

Романтические признания героя-отшельника³ не отменяли объективных данных человеческого бытия, его онтологических основ, его жизнеутверждающих начал. С ними связан апофеоз любви, постоянный мотив в лирике Пушкина. Исторические предания, опять-таки навеянные Тавридой, придают поэтической любовной сфере новые оттенки.

В *Бахчисарайском фонтане* - драматизм любовной страсти. Пушкин предвосхищает лесковский сюжет в *Леди Макбет Мцен-*

² Б. В. Томашевский, *Пушкин*, кн. 2, Москва - Ленинград 1961, s. 374.

³ См.: В. В. Виноградов, *Стиль Пушкина*, Москва 1941, s. 203, 442-443; З. А. Бариневиц-Бабайцева, *Овидиев цикл в творчестве Пушкина. Пушкин на юге*, вып. 1, Кишинев 1958; Н. В. Фридман, *Романтизм в творчестве А. С. Пушкина*, Москва 1980, s. 36; С. А. Кибальник, *Тема изгнания в поэзии Пушкина*, [w:] *Пушкин. Исследования и материалы*, t. 14, Ленинград 1991, s. 44-45; А. М. Гуревич, *Романтизм Пушкина*, Москва 1993, s. 60; Н. В. Вулих, *Послание Пушкина к Овидию и „Печальные элегии” Овидия*, „Вестник ЛГУ”, пг 20. Серия историн. языка и литературы, вып. 4, 1960, s. 96-97.

ского уезда. Лейтмотив поэмы - пагубные законы гарема, законы неволи, которым подчиняется и властитель Гирей.

В тени хранительной темницы
Утаены их красоты:
Так аравийские цветы
Живут за стёклами теплицы.
Для них унылой чередой
Дни, месяцы, лета проходят
И неприметно за собой
И младость и любовь уводят.

Название поэмы символично, что подчеркивается эпилогом, „далью” „свободной” поэмы. Первая его часть завершается описанием легенды: „И мрачный памятник оне / *Фонтаном слез* именовали”. Другая часть эпилога - от Я („Бродил я там, где, бич народов, / Татарин буйный пировал...”) прокомментирована поэтом в письме П. А. Вяземскому от 20 декабря 1823 г.: „Впрочем в моем эпилоге описание дворца в нынешнем его положении подробно и верно...” (XIII, 83). Заключительная часть - гимн легендарному „волшебному краю”.

Попутно заметим, что П. А. Вяземский, вероятно, следовал реалиям эпилога *Бахчисарайского фонтана* в передаче польских впечатлений в своем стихотворении *Станция* (1825). К примеру:

Жена иль дочка комиссаржа
Полячка, - словом все сказал:
Тут и портрет и мадригал:
Притом цыплята, раки, спаржа,
Или технически скажу
И местность красок удержу...

П. А. Вяземский в *Примечаниях* к стихотворению так же, как и Пушкин, пояснял: „Описание польской станции не вымысел стихотворца и не ложь путешественника. На многих станциях я находил все то, что описал, я мог бы подтвердить свои стихи выписками из своей дорожной, памятной книжки, но боюсь показаться уже чересчур педантом”.

Стихотворение *Фонтану Бахчисарайского дворца* (1824) можно считать продолжением эпилога поэмы, с ее философским осмыслением. Жизнедеятельное, утверждающее начало первых двух строф - „фонтан любви, фонтан живой!”, „Ах, лейся, лейся, ключ отрадный!” - сменяется элегическим мотивом утраты, забвения:

Фонтан любви, фонтан печальный!
И я твой мрамор вопрошал;
Хвалу стране прочел я дальной;
Но о Марии ты молчал...

Заключительная строфа выражает новое состояние лирического чувства, сливает вечное, человеческое, природное и мгновенное, личное и историческое. Знаменитое *Я помню чудное мгновение...* - в какой-то степени новая вариация *Фонтану Бахчисарайского дворца*. В ней есть следы „поэтических слез”, „сна воображения”, „минутного виденья”, „души неясного идеала” романтического *Фонтана*.

Метафора Запад - Восток для поэта еще и литературная проблема, писательская реальность. Его известное суждение по поводу *Бахчисарайского фонтана*: „Слог восточный был для меня образцом, сколько возможно нам, благоразумным, холодным европейцам” (XIII, 160). В работе В. М. Жирмунского *Байрон и Пушкин* названы приметы „восточного” стиля в „южных” пушкинских поэмах и также различие пушкинского и байронического стилей. „Холодная” „европейская” стилевая поэтика в *Бахчисарайском фонтане* особенно заметна в песенном эпизоде поэмы:

Беспечно ожидая хана,
Вокруг игривого фонтана
На шелковых коврах оне
Толпою резвою сидели...

И первый, и последний стих этой цитаты обычны в языковой практике Пушкина, а второй и третий стих в какой-то степени разрывают „старые семантические связи слов и образов”, разрушают „застывшую литературную фразеологию”.⁴ *Татарская песня* начинается куплетом „европейского” стиля, а завершается „восточным”:

⁴ В. В. Виноградов, *Стиль Пушкина...*, s. 55.

Но тот блаженней, о Зарема,
Кто, мир и негу возлюбя,
Как розу, в тишине гарема
Лелсет, милая, тебя.

Восток как миф, как символ азиатчины, „варварства” необходим Пушкину, чтобы выразить свое национальное чувство и в понимании богатейшего исторического прошлого („История народа принадлежит Поэту” - в письме Гнедичу 1825 г.), и в новом призвании литературы, еще сдавленной канонами классицизма. Объяснимо его полемическое суждение о Державине: „Ей богу, его гений думал по-татарски - а русской грамоты не знал за недосугом. Державин, со временем переведенный, изумит Европу, а мы из гордости народной не скажем всего, что мы знаем об нем...” (XIII, 182).

Мифологическое диктует свой образный строй лирики, гражданской, политической. Незаконченное стихотворение *Недвижный страж дремал* (1824), отразившее, наряду с другими произведениями поэта, его кризисное состояние⁵, интересно не только пушкинским неприятием тирании, на что обычно указывают исследователи, а сопоставлением, сопряжением Запад - Север: „Владыке полунощи / Владыка запада, грозящий, предстоял”.

Отрывок написан в жанре баллады, признанном всеми романтиками. У Мицкевича - специальное предисловие к своему тому *Баллады и романсы* (1822). П. А. Плетнев подсказывал Пушкину в начале 1825 г.: „Историю никак не уломаешь в лирическую пьесу. Рылеев это прежде него [И. Козлова] доказал своими *Думами* (XIII, 134). Пушкин, вступая в диалог со своими друзьями, предпочитая *Войнаровского* Рылеева, иронизировал: „Зато *Думы* дрянь и название сие происходит от немецкого *dumm*, а не от польского, как казалось бы с первого взгляда” (там же, 184).

Дума, для Пушкина, не нравоучение, а размышление. Жанр баллады не в традиционном духе (рыцари и странники, „власти-

⁵ См.: С. А. Фомичев, *Периодизация творчества Пушкина (К постановке проблемы)*, [w:] *Пушкин. Исследования и материалы*, т. 10, Ленинград 1982.

тели” и „певцы”, „видения”, „русалки” и т.п.)⁶, позволял выразить, осмыслить нравственно-философский смысл исторических событий, катаклизмов, в которые оказались втянуты народы России и Европы. Обе части, на которые распадается отрывок, паритетны. В первой - апофеоз „Владыки севера” („Все пало - под ярем склонились все главы”), его самоупоение: „О грозные витии, Целуйте жезл России И вас поправшую железную стопу”. „Владыка запада” предстает „Во цвете здравия, и мужества, и мощи”.

Риторический вопрос („Вот Кесарь - где же Брут?”) в первой части не декларативен, как в стихотворении *Кинжал* (1821), он имеет свой сюжетный балладный ход во второй части отрывка: „Мятежной вольности наследник и убийца...”. Слово „убийца” здесь двузначно. В прямом смысле оно относится к Бруту, в косвенном - к „посланнику провиденья”. Исторический пассаж первой части („Давно ли ветхая Европа свирепела?”), в монологе „владыки севера” переключается с воспоминанием-видением „чудного мужа” в аустерлицком сражении („Дружины севера гнала его десница...”) и во время Тильзитского мира.

В стихотворении - противостояние двух „владык”, олицетворяющих движение самой истории, ее противоречивых тенденций, в ее главной оппозиции: „свобода - самовластье”. Каждый из владык олицетворяет земное пространство. У „владыки севера” взор „носился От Тибровых валов до Вислы и Невы...”. У другого владыки до „равнин Аустерлица” - искушенные „свободой” Германия, Австрия, Неаполь, Испания. В поэзии той поры „владыка” обычно был символом божественного: „Царю, в котором чтили бога, Царю, который был владык земных красой...” (О. Сомов, *История*), „Земля воспрянула в одежде орошенной И чистый фимиам Владыке вознесла” (Пл. Ободовский, *Весенний гимн Вседержителю*).

Концовки, заключительных строф у баллады нет; односторонняя концовка, близкая, к примеру, к наброску *Зачем ты послан*

⁶ См.: Cz. Zgorzelski, *O pierwszych balladach Mickiewicza*, [w:] *Studia Mickiewiczowskie. W 150 rocznicę urodzin poety*, Warszawa 1948, s. 72-149; M. Katz, *The literary ballad in early 19th century russian literature*, Oxford 1976; А. С. Немзер, „Сии чудесные виденья...”. *Время и баллады В. А. Жуковского. „Свой подвиг совершив...”*, Москва 1987, s. 185-264.

был... (1824) мало вероятно. Балладный отрывок выражает обоюдона важные для поэта уроки Востока и уроки Запада. Пушкин своей символикой предвосхищает „Кульг героев” известного английского философа, писателя Томаса Карлейля, у которого Наполеон наряду с Кромвелем попадает в рубрику „героев-правителей”.

Мотив Запад - Восток вновь озаряет поэта во время *Путешествия в Арзрум*. В стихотворении *Стамбул гяуры нынче славят...* шаткая драматическая судьба Стамбула, олицетворявшего Оттоманскую империю, передается в полшутливых стихах:

Стамбул отрекся от пророка;
В нем правду древнего Востока
Лукавый Запад омрачил...

В предыдущей редакции стихотворения второй стих был другой: „В нем веру древнего Востока...”. „Правда” - более широкое понятие, не мистическое. Но „вера”, необходимая поэту, не исчезает. Начало третьей строфы: „Там веры чистой луч потух...”. „Правда” древнего Востока - в его вековых, суровых законах, в легенде о дворце Бахчисарая. В современном Стамбуле все наоборот:

Там жены по базару ходят,
На перекрестки шлют старух,
А те мужчин в харемы водят,
И спит подкупленный евнух.

Отзвук Бахчисарайского фонтана есть и в иронических стихах предпоследней строфы: „Постимся мы: струю трезвой Одни фонтаны нас поят...”. Явно поэтическое смешение Востока и Запада. Запад - Восток условны и реальны⁷. Мифологема как эстетическая категория, помогающая осознать прошлое и настоящее, движение истории. Восток и Запад многозначны. Запад - античность и шум-

⁷ Реальный комментарий к стихотворению см. в статье: Д. И. Белкин, *О комментариях к стихам „Стамбул гяуры нынче славят...”*, „Болдинские чтения”, Горький 1983. О библейских мотивах стихотворения см. В. С. Листов, *К истолкованию стихотворения Пушкина „Стамбул гяуры нынче славят...”* - „Известия РАН”. Серия литературы и языка, 1996, пг 6.

ливая, политиканствующая Франция. Восток - Россия и сопредельные с ней народы неправославного исповедания. Предваряя в *Путешествии в Арзрум* стихотворение *Стамбул гяуры...*, Пушкин напоминает о „соперничестве” между Казанью и Москвой.

„Державные права” и Запада, и Востока, естественно, влияли на судьбу относительно малых народов, малых стран, всегда вызывающих обостренный интерес поэта. Полемически звучат пушкинские суждения в адрес Екатерины II: „Ее великолепие ослепляло, приветливость привлекала, щедроты привязывали... Производя слабый ропот в народе, привыкшем уважать пороки своих властителей, оно возбуждало гнусное соревнование в высших состояниях... Униженная Швеция и уничтоженная Польша, вот великие права Екатерины на благодарность русского народа” (XI, 15).

Историческое мышление Пушкина поэтизирует нравственные начала народов, их первозданность, чистоту, не тронутую какой-либо политикой:

Семействами болгары тут
В беспечной дикости живут
Храня родительские нравы,
Питаясь трудом,
И не заботятся о том,
Как ратоборствуют державы
И грозно правят их судьбой.

Кирджали, 1828

Народ - большая семья со своей неповторимой историей, натурой, жизненной стихией. Известны пушкинские переживания по поводу событий в Греции в начале 1820-х гг., его ревнивое отношение к мнимым защитникам интересов греческого народа. „Греки между европейцами, - писал Пушкин, - имеют гораздо более вредных поборников, нежели благоразумных друзей. Ничто еще не было столь народно, как дело героев, хотя многие в их политическом отношении были важнее для Европы” (XIII, 104). Тогда же от иронизирует по поводу новоявленных Леонидов.

Обратим внимание на пушкинскую тенденцию в осмыслении европейских событий. Поэт не принимает непрошенных, с его точки зрения, покровителей греческого народа, особенно европейскую

дипломатию. Эта тенденция будет усилена, ярко проявится в будущих стихах *Клеветникам России*, *Бородинская годовщина*. Эта же тенденция была характерна не для одного Пушкина. П. А. Вяземский недвусмысленно намекал:

За греков молвим речь в Стамбуле
И меж собой, без дальних ссор,
Миролюбиво кончим спор,
Когда-то жаркий при Кагуле.

Станция, 1825

Вяземский, помнится, не одобрял стихотворную публицистику Пушкина 1831 г. Однако он сам тогда же не пренебрегал ею (*К журнальным благоприятелям*, 1830).

В. И. Туманский тоже откликнулся на европейские вспышки той поры в *Стансах* (декабрь 1830 г.):

Ни дум благих, ни звуков нежных
Не хочет раздраженный мир;
Он алчет битв и бурь мятежных;
Он рвется на кровавый пир.

За тучей тучу Запад гонит,
Дух тьмы свой злобный суд изрек...

Запад - Восток - не только пушкинская тема. В поэзии Пушкина, в его художественном сознании она была фундаментальной в выражении основных начал бытия и многожанровой, проникавшей в суть большого человеческого мира.